

МУРЗИЛКА

N 12
ДЕКАБРЬ
1951

ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
МЛАДШИХ
КЛАССОВ

Расул ГАМЗАТОВ

ИМЯ ВОЖДЯ

Не может солнце сразу всю планету
Согреть теплом и светом озарить.
И на земле дождя такого нету,
Чтоб мог один всю землю напоить.

Но, проходя дорогами земными,
Услышишь ты повсюду от людей,
Что существует на планете имя,
Которое не знает рубежей.

Тускнеет и серебряное стремя,
Мелеют реки, крошится гранит.
А это имя, вечное, как время,
Оно везде торжественно звучит.

Оно земные сокращает дали,
Ведёт людей в грядущие века.
Когда б на звёздах люди обитали,
Оно б дошло и к ним наверняка.

Мы с ним стоим у звонких наковален,
Растим сады в Сибири и Крыму.
Мир счастлив тем,
что есть на свете Сталин,
Что время подчиняется ему.

Перевод с аварского

Иосиф Виссарионович
СТАЛИН.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

УТРО, ВЕЧЕР, ДЕНЬ И НОЧЬ

УТРО

Если звонко за окном
Защебечут птицы,
Если так светло кругом,
Что тебе не спится,
Если радио у вас
Вдруг заговорило —
Это значит,
что сейчас
Утро наступило!

Поднимаясь в синеву
Медленно,
как в гору,
Солнце прибыло в Москву,
Освещает город.

Хоть оно
и одно,
Смотрит в каждое окно:
Проверяет,
все ли
Поднялись с постели?

Все встают,
а почтальон
На ногах с рассвета.
По домам разносит он
Свежие газеты.

Он шагает в ранний час
Мимо наших окон.
Новостей большой запас
В сумке приберёг он.

Чтобы смыть с проспектов пыль,
Чтоб Москва блестела,
Голубой автомобиль
Принялся за дело.

Паренёк нажал рукой
На рычаг могучий —
Сразу дождик проливной
Хлынул, как из тучи.

Светофор, услышав гул,
Оживился сразу,
И шофёрам подмигнул
Он зелёным глазом.

Пробудился каждый дом
Нашего квартала,
Двери хлопают кругом,
Сразу людно стало.

Едет в школу по утрам
На урок учитель,
Едет к Ленинским горам
Каменщик-строитель.

Сын с отцом у корпусов
Из трамвая вышли.
Сын хотя и без усов —
На голову выше.

Молодой и старый —
Оба сталевары.

Вот идёт гурьба ребят —
Смена комсомола:
Кто помладше —
в детский сад,
Кто постарше —
в школу.

Всех работа ждёт сейчас —
Расправляй-ка плечи!
— С добрым утром! —
в этот час
Говорят при встрече.

ДЕНЬ

Жарко,
солнечно,
светло —
В тень спеши укрыться!
Утро кончилось,
прошло.
День пришёл в столицу.

Солнышко над головой
Всё сильнее жжётся.
Загорелый постовой
Жмурится от солнца.

Он блестящий козырёк
На глаза надвинул.
Мчатся вдоль и поперёк
Разные машины.

Славно трудится сейчас
Вся дневная смена!
И в цеху не сводит глаз
Сталевар с мартена.

Здесь такой горячий жар
Пышет из оконца,
Словно ходит сталевар
В двух шагах от солнца.

Сталь расплавилась в печи,
Жарко ей и тесно.
— Сталь идёт! —
сигнал звучит. —
Приготовьте место!

В ковш ручьём металл
течёт,
Ярко разливаясь.
И ладонью вытер пот
Мастер улыбаясь.

Металлический каркас
Над землёй поднялся.
Выше всех в Москве сейчас
Каменщик забрался.

Он чуть виден в вышине
На стене отвесной.
Подаёт кирпич к стене
Кран рукой железной.

Каменщик кирпич берёт,
Складывает плотно.
Дело движется вперёд —
Дом растёт высотный.

Под мелком скрипит доска,
Пишет мальчик смело, —
Не беда, что вся рука
Белая от мела.
Каждый день
рабочим днём
Был у пионера.
И отряд уверен в нём:
Он решит примеры!

За работой люди днём,
Днём полно работы:
Роют землю,
Строят дом,
Водят самолёты.

Чтоб легла у школы
тень,
Сад сажают дети.
И при встрече
«Добрый день!»
Говорят соседи.

ВЕЧЕР

Солнце ниже —
Тень длинней,
Небо сделалось темней.

День к концу пришёл давно,
Жар остыл палящий.
И повеял к нам в окно
Холодок бодрящий.

Солнце за город ушло,
Выспится —
вернётся.
Только в городе светло
Нынче и без солнца.

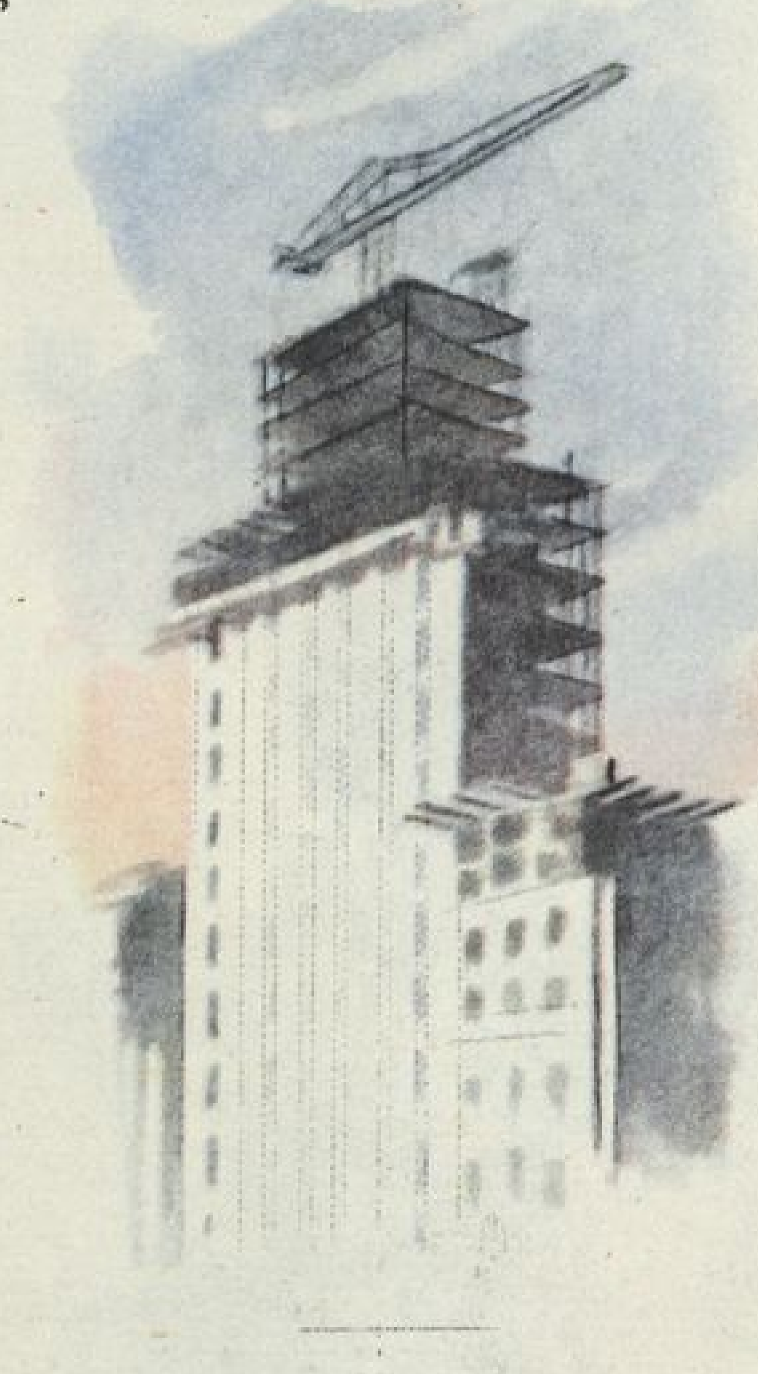
Возле дома моего
Тени не бывает.
Вместо солнца одного
Сотня солнц сияет.

День окончен трудовой,
Смену принял вечер.
Все сейчас идут домой
Вечеру навстречу.

Мы спускаемся в метро
Друг за другом следом.
Под землёй зимой тепло
И прохладно
летом.

Здесь, как солнышко точь-в-точь,
Свет горит особый.
Утро,
вечер,
День
и ночь —
Отличи попробуй!

Вечерами узнаёт
Новости столица:
Пущен тракторный завод,
Зацвела пшеница.

Рапортует Волго-Дон
О постройке шлюза, —
Вести шлют со всех сторон,
Со всего Союза.

День в трудах прошёл у нас,
А теперь по праву
Все должны в вечерний час
Отдохнуть наславу.

Мчит без сумки почтальон.
— Вы куда?
— На стадион!

Гляньте —
с низеньким гребцом
В спор вступает рослый:
Сталевары,
сын с отцом,
Налегли на вёсла.

Кто в кино,
кто в парк идёт —
Отдыхает наш народ.

Над рекой огни горят —
Их не гасит ветер.
В это время говорят
Люди:
«Добрый вечер!»

НОЧЬ

Отступает вечер прочь,
Отдыхать уходит.
И ему на смену
Ночь
Тёмная приходит.

Если тихо за окном,
Если очень поздно,
Фонари горят кругом,
А повыше —
звёзды.

Если детям сонных глаз
Не открыть и силой,
Это значит —
ночь сейчас
Всюду наступила.

Все трамваи в поздний час
Спят на рельсах длинных,
И автобусы сейчас
Спят на мягких шинах.

Только ночью,
как и днём,
Ходят пароходы,
Электрическим огнём
Залиты заводы.

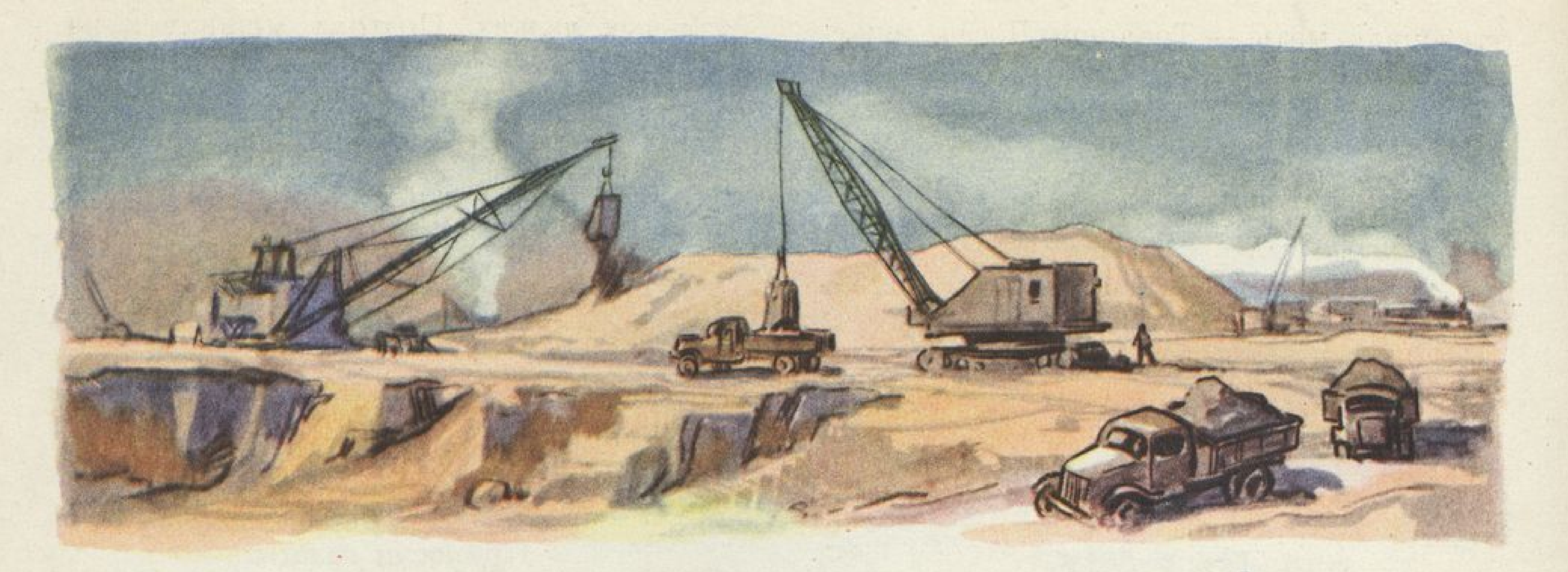

Славно трудится сейчас
Вся ночная смена,
И не сводит зорких глаз
Сталевар с мартена.

Потому что никогда
Печь не отдыхает,
Днём и ночью
в ней всегда
Пламя полыхает.

И печатник по ночам
Не погасит света,
Чтобы утром москвичам
Принесли газеты.

Бьют часы двенадцать раз,
Радио смолкает.
«Доброй ночи!»
в этот час
Всем Москва желает.

А. МУСАТОВ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО и А. КОКОРИНА

ЧУДО-МАШИНА

Третье звено собралось в пионерской комнате. Не успел вожатый Витя Поповкин открыть сбор звена, как в комнату влетел вихрастый Миша Ремешков и возбуждённо закричал:

— Ребята! Я разведал! Только что привезли новую машину.

Пионеры, окружив Мишу, забросали его вопросами: какая машина, где, откуда?

Мальчики прильнули к окну. В стороне от хутора, около станции, они увидели длинный товарный состав. На железнодорожных платформах лежали дощатые ящики, стальные балки, фермы, листы железа. На ящиках стояли надписи: «Стройке коммунизма от уральцев».

— Никакая это не машина, — сказал Витя Поповкин, — просто материалы всякие привезли...

— А если я на станции был... Если я всё разведал... — обиделся Миша и принялся уверять, что новая машина самая необыкновенная, таких ещё никто не видел и называется она «шагающая». — Раз мы первые про неё узнали, то пусть новая машина числится за нашим звеном, — настаивал Миша.

— Ладно, — недоверчиво сказал Витя, — подождём. Узнаем, что там за машину привезли. Может, ты ошибся...

Через несколько дней железнодорожные платформы разгрузили и в степи закипела горячая работа. Рабочие соединяли друг с другом стальные балки и фермы, сваривали их, клепали, обшивали железными листами.

Казалось, что в степи решили построить большое здание из железа. С каждым днём железный дом поднимался всё выше и выше.

— Это, верно, какую-нибудь мастерскую строят или завод ремонтный... — сказал Мише вожатый звена. — А ты говорил, машина, да какая-то ещё шагающая!

Сколько Миша ни присматривался к новому дому, тот никак не походил на машину. Мальчик приуныл. Верно, тогда на станции он ничего не понял из разговоров взрослых или всё перепутал. Правильно говорит Поповкин — плохой он разведчик.

Как-то раз Миша рано вернулся из школы. С ним пришёл Витя Поповкин. Ребята сели готовить уроки. Неожиданно Миша заметил на полке рядом со своими учебниками и тетрадями чужую стопку книг, перевязанных бечёвкой. Под лавкой, кроме того, стоял тяжёлый чемодан со светлыми застёжками, а в углу, на гвоздике, висело кожаное пальто.

— Мама, кто это к нам?

— Я тут одного жильца пустила, —

объяснила мать. — Товарищ Лосев, инженер со стройки...

— А по какому делу он инженер? — нетерпеливо спросил Миша.

— Говорил, что канал будет рыть какой-то особой машиной... будто бы она сама шагать умеет.

— Как, как? — встрепенулся Миша.

— Не бывает таких машин, — заметил Витя Поповкин.

— Как же это не бывает, если сам инженер сказывал? — удивилась мать.

— А мы вот спросим инженера, — сказал Миша.

— Нет уж, вы ему не мешайте. Человек он занятой, строгий, — предупредила мать.

Новый жилец вернулся к вечеру. Миша и Витя думали увидеть пожилого, хмурого человека в очках, с бородой, а в комнату вошёл молодой светловолосый человек в выгоревшем офицерском кителе, с полевой сумкой в руках.

Инженер Лосев был не один. С ним пришло человек десять его помощников. Лосев поздоровался с ребятами, о чём-то пошептался с Мишиной матерью и попросил своих помощников рассаживаться.

Потом он объявил, что с сегодняшнего дня их бригада начинает занятия по изучению новой мощной землеройной машины. Такой машины ещё не было нигде в мире. Её изобрели советские конструкторы, а делали уральские рабочие. Сюда, в степь, на стройку канала, машину везли на ста двадцати железнодорожных платформах.

И вот они должны как можно лучше изучить новую машину, как можно скорее собрать её и заставить копать землю.

Машина эта особая — огромных размеров и необыкновенной силы. Передвигаться она будет не на колёсах, а будет шагать на огромных стальных лыжах. Поэтому машину и назвали «ЭШ», что значит «Экскаватор шагающий».

Тут Миша не выдержал и толкнул Витю Поповкина в бок.

— А я тебе что говорил? Шагающая машина. Значит, правильно я разведал.

— Может, и правильно, — смущённо буркнул Витя. — Да как же такая машина шагать будет?.. Это же целый домище.

— А вот послушаем — узнаем...

Инженер Лосев между тем повесил на стену газету, достал из печки уголёк и принялся что-то чертить. Но газета вскоре порвалась.

— Да-а... класс для занятий у нас не очень удобный, — усмехнулся инженер и повесил на стену новую газету.

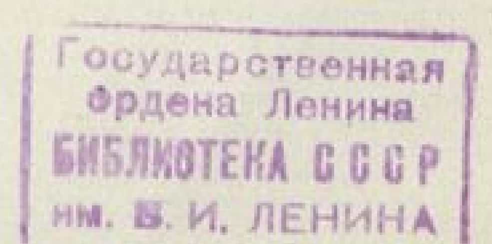
— А у меня фанерка имеется... Желаете — принесу, — сказала Мишина мать, выглядывая из кухни.

Она вышла в сени и вскоре вернулась с покоробленным листом фанеры.

Инженер прислонил фанеру к стене и принялся чертить на ней углем.

— Теперь уже лучше. Почти как классная доска! — улыбнулся он Мишиной матери. — Спасибо, хозяюшка!

Витя Поповкин недовольно посмотрел на Мишу.

— Вот так мать у тебя!.. А мы-то, недогадливые, сидим себе и сидим...

Миша отвернулся, вздохнул, потом вдруг схватил приятеля за руку:

— А знаешь что?.. Давай им классную доску найдём... настоящую? Пусть, как надо, занимаются.

— Давай! — обрадовался Витя.

На другой день ребята принялись за поиски. Они облазили весь школьный чердак, заглянули под лестницу, в дровяной сарай, но классной доски нигде не было. Потом Миша просунул голову в узкое оконце школьной кладовки и увидал среди поломанных парт и столов старую щербатую доску.

Ребята подступили к кладовщику.

— Это ещё зачем? — удивился тот. — Опять какие-нибудь номера да фокусы. И не просите лучше — не дам.

— И совсем не фокусы, — выпалил Миша. — Доска нужна для... для стройки коммунизма!

— Скажи на милость! — развеселился кладовщик. — А вы парты на стройку случайно не поставляете? А карандаши с пёрышками?

Миша с Витей разобиделись и обо всём рассказали учительнице Галине Сергеевне. Та очень заинтересовалась затеей ребят и поговорила с кладовщиком.

В тот же день классная доска была в руках пионеров третьего звена. Ребята тщательно вымыли её керосином и горячей водой. Доска заблестела, на ней проступили красные косые линейки.

В сумерках пионеры торжественно пронесли её через всю Сухую Балку и втащили в Мишин дом.

Лосев удивлённо поднялся ребятам навстречу.

— Что я вижу? Доска! Настоящая! Школьная!.. Откуда такая?

— Это вам для занятий... от нашего звена! — сказал Миша и положил рядом с доской три кусочка мела и тряпку.

Инженер провёл рукой по глянцевой доске, потрогал мел, дважды сказал ребятам «спасибо», а пионеры всё ещё толпились около порога.

Наконец Миша переглянулся с вожатым звена и подтолкнул его к инженеру.

— Товарищ Лосев, — заговорил Витя, — а можно, мы с вами дружить будем... и с вашей машиной?

— А почему же нельзя? — улыбнулся инженер. — Дружба — вещь стоящая.

Теперь Витя заговорил уже смелее.

— А вы к нам на сбор отряда приходите. Расскажете, как машина землю рыть будет, как шагать...

— С удовольствием! — согласился инженер. — Только не сейчас, попозже немного, когда мы пустим её в ход.

Он на минуту задумался и позвал ребят ближе к себе.

— У меня к вам тоже просьба будет. Есть у меня хлопчик, вроде вас. В Москве остался. Колькой зовут. И вроде вас очень он стройкой интересуется. Вот вы ему и пишите иногда, какие тут у нас люди да какие машины...

— Это мы можем, — сказал Витя. — Мы в Москву всем звеном писать будем. Вы нам только адрес ваш дайте.

С этого дня пионеры третьего звена часто собирались вместе и писали письма Коле Лосеву в Москву.

Они писали, что около их хутора Сухая Балка инженер Лосев со своими помощниками собирает чудо-машину. Корпус машины уже достиг высоты семиэтажного дома, и скоро машина начнёт работать.

Наконец наступил день, когда шагающий экскаватор начал рыть землю.

Пионеры встали очень рано и сразу же побежали на пригорок. С пригорка им хорошо было видно всю машину. Вот загудели моторы, ковш опустился вниз и вгрызся в сухую землю. Потом стальные тросы подняли ковш, полный земли, вверх. Длинная стрела, как рука богатыря, отвела его далеко в сторону, и земля из ковша высыпалась. Затем ковш ещё раз зачерпнул землю, и затем ещё, и ещё, и ещё...

Ребята поняли, что чудо-машина заработала. Они захлопали в ладоши и закричали «ура».

К вечеру машина вырыла глубокий котлован, а сбоку насыпала высокий холм земли.

Учительница сказала ребятам, что одна

такая могучая машина заменяет несколько тысяч землекопов.

Прошёл год. Большой шагающий экскаватор работал днём и ночью. Он прокопал не один километр канала, вынул целые горы земли. Всё более и более крепла дружба между школьниками и механизаторами.

Ребята не раз зазывали инженера Лосева и его помощников к себе на пионерские сборы, на школьные вечера. В жаркие летние дни они приносили экипажу экскаватора студёную ключевую воду, доставляли свежие газеты.

Не забывали пионеры и Колю Лосева. Они часто рассказывали ему о стройке канала. Вот что ребята из Сухой Балки писали в Москву в последнем письме:

«Дорогой Коля! Канал, на котором работает твой папа, почти совсем уже готов. Весной 1952 года он заполнится водой и по нему пойдут пароходы. Наша Сухая Балка будет стоять на берегу канала, и у нас будет много-много воды. Мы посадили вокруг хутора дубки и клёны и теперь хотим переименовать Сухую Балку в Зелёную Балку.

Когда мы кончим школу, то обязательно пойдём на стройки коммунизма и будем работать машинистами или инженерами на шагающих экскаваторах. Очень нам нравится эта сильная машина, хотя твой папа говорит, что к тому времени, когда мы подрастём, машины на стройках будут ещё сильнее и лучше.

Дорогой Коля! Приезжай к нам на канал. Если не можешь выбраться в этом году, то обязательно приезжай в будущем. Только не поездом, а пароходом, прямо от Москвы до пристани Зелёная Балка (бывшая Сухая Балка). Очень и очень ждём тебя».

СТАЛИНГРАД — ГОРОД

Сталинград... Для нас, советских людей, это не просто город. Это знамя великих побед, одержанных нашим народом под водительством великого Сталина.

Нашей стране ещё не исполнилось и года, когда со всех сторон напали на неё враги. Белогвардейцы, капиталисты Англии, Франции, США, Японии хотели уничтожить молодую республику рабочих и крестьян. Их наёмные войска с оружием в руках набросились на нашу землю. На всех фронтах советский народ защищал свою родину, свою свободу. Время было трудное, голодное. Чтобы спасти революцию, нужно было прогнать врагов и добыть хлеб. И вот в июне 1918 года партия послала товарища Сталина на Волгу, в город Царицын. Там, на Волге, хлеба было немало, но туда рвались и враги революции. Они мечтали захватить волжский хлеб, голодом задушить наш народ и оттуда ударить прямо на Москву.

Товарищ Сталин взял оборону Царицына в свои руки, разгромил врагов революции и не дал им прорваться к Москве... Революция была спасена, и благодарный советский народ назвал город Царицын именем Сталина...

Прошло десять лет. Уже дымили трубы советских заводов, шумели весёлые советские города. Хорошо жил советский народ, но он хотел жить ещё лучше. И по всей стране шла битва за новую жизнь. Чтобы выиграть эту битву, нужно было построить тысячи советских тракторов и послать их в колхоз.

По всему миру разнеслась тогда слава о Сталинграде. Там, на крутом берегу Волги, по слову товарища Сталина вырос огромный тракторный завод, и тысячи тракторов побежали на колхозные поля пахать советскую землю, убирать богатые урожаи.

Советский народ жил, богател, украшал родину. А враги не унимались. Они тайно готовили новый поход на нашу страну.

И вот грянула новая война. На нашу роди-

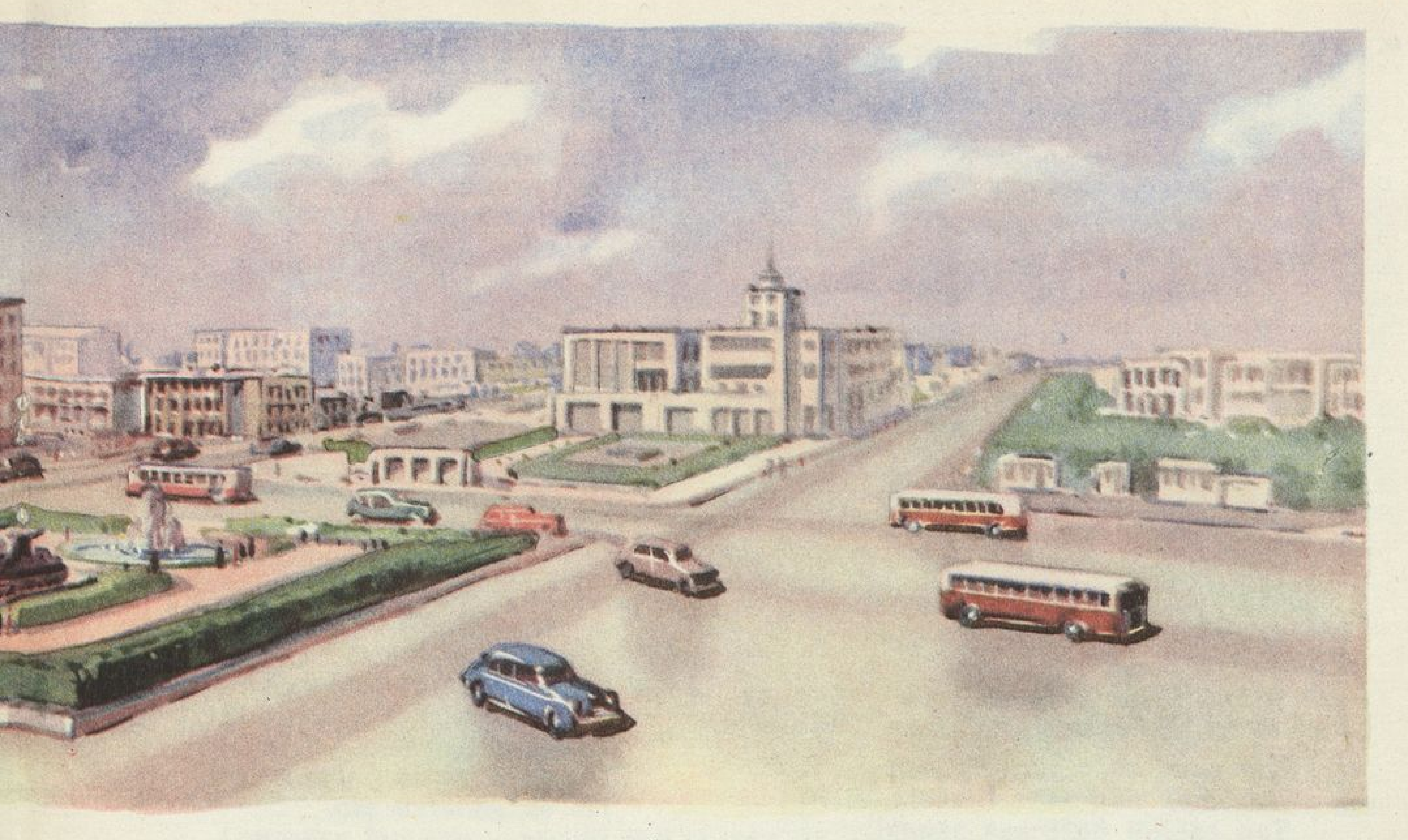

Рис. К. АРЦЕУЛОВА

НЕУВЯДАЕМОЙ СЛАВЫ

ну напали фашисты. Они хотели наш, советский порядок заменить своим, фашистским порядком. И снова наш могучий народ с оружием в руках встал на защиту родины.

И опять, как много лет назад, ринулись закованные в броню враги к Сталинграду. Загудели в небе фашистские самолёты. Тысячи бомб упали на город. Площади, улицы, дома в Сталинграде превратились в руины. Казалось, ничего живого не осталось на сожжённой, изрытой снарядами сталинградской земле... Но советские воины, верные приказу вождя, стойко держались, удивляя весь мир своим мужеством. А потом пришёл день, когда советские войска, выполняя гениальный план Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, перешли в стремительное наступление. Отборные фашистские войска были окружены и разбиты. И новая бессмертная слава покрыла имя великого города.

Едва отгремели последние залпы на полях сражений, а легендарный город уже вставал из руин, ещё краше, ещё величественнее, чем прежде. Прекрасные школы, театры, библиотеки выросли на развалинах, прямые улицы легли на месте вчерашних боёв, широкие площади украсили славный город.

А через несколько лет новая весть прокатилась над миром: здесь, в Сталинграде, решил советский народ строить плотину на Волге, чтобы напоить водой заволжские поля, чтобы зажечь новые яркие огни над городами и сёлами, чтобы стать ещё богаче, ещё сильнее. А у стен Сталинграда, на тех самых полях, где дважды в боях за родину сражался и побеждал советский народ, страна решила проложить новый водный путь, соединить великие русские реки — Волгу и Дон.

Весь мир следит сейчас за победами советских людей. Друзья радуются вместе с нами и понимают: нет силы на земле, которая могла бы сломить наш народ, идущий вперёд к завтрашнему прекрасному дню под водительством мудрого Сталина.

О. ВЫСОТСКАЯ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

ПОДАРОК

Цветут на скатерти шелка,
Сплетясь в узор богатый.
Тут — синий венчик василька
И вереск лиловатый.

И посреди зелёных трав —
Головки золотых купав.

А вышивался тот узор
В селенье под Варшавой.
Вокруг шумел дремучий бор,
Седой и величавый.

Порхал за окнами снежок,
Поскрипывали ели,
Садились женщины в кружок
И тихо песню пели

О том, что в каждом их стежке —
Счастливые надежды;
Что жизнь на их родной реке
Уже не та, что прежде;

Что из Московского Кремля
Дошли к ним волны света, —
Тем светом польская земля,
Как солнцем, обогрета.

Маринке только восемь лет,
Она сидит в сторонке,
А мама ландышей букет
В узор вплетает тонкий.

Сидит Маринка в стороне,
На лавке у окошка,
И тихо просит: — Дай и мне
Повышивать немножко!

Кивнула мама ей в ответ,
И дочь за стол садится.
Хотя Маринке восемь лет,
Она уж мастерица.

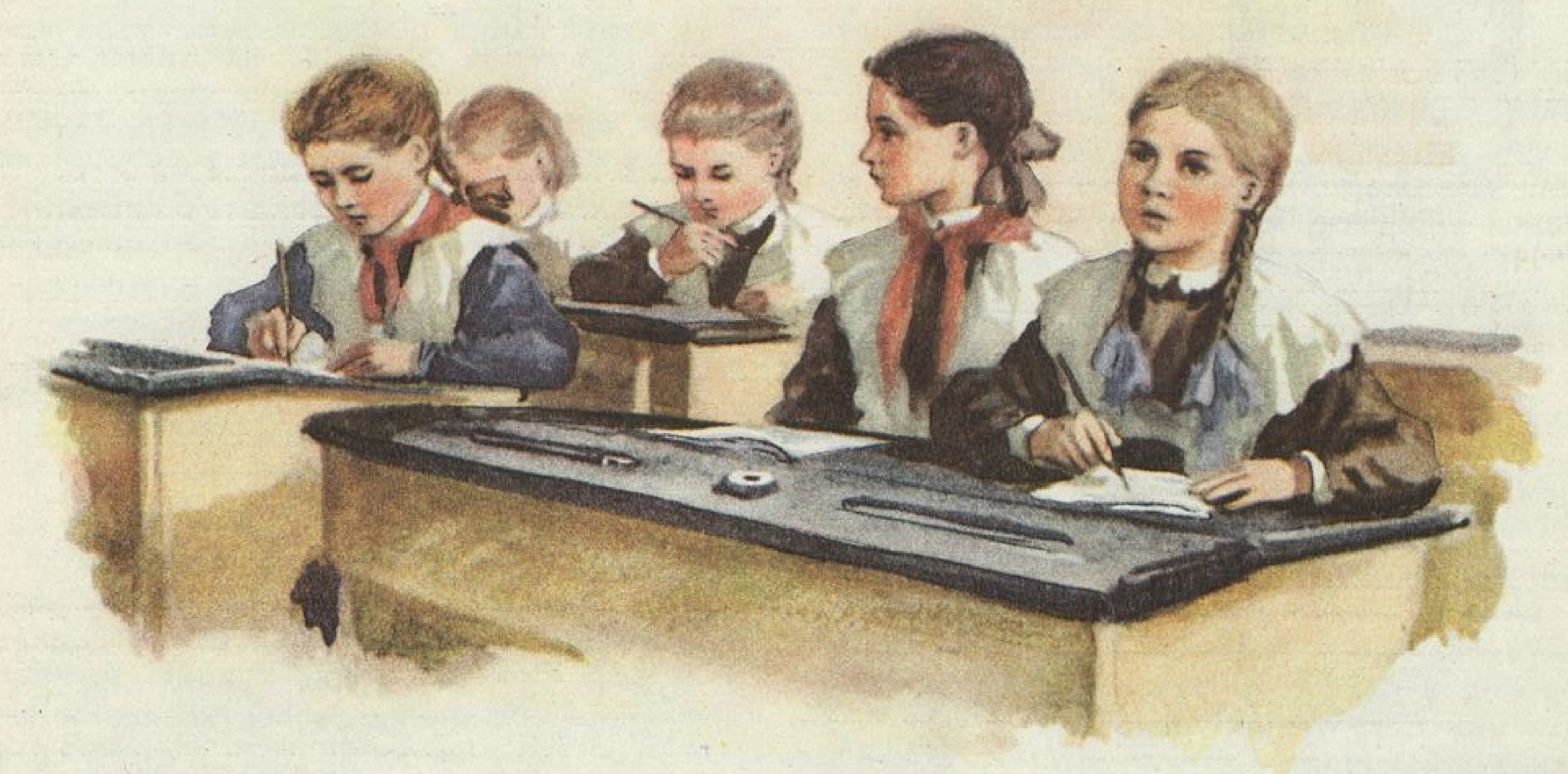
Снуёт по полотну игла,
Струятся шелковинки,
И вот гвоздика расцвела
Под пальцами Маринки.

В узор искусно вплетена
Она рукою детской.
Как зорька, алая она,
Как флаг Страны Советской.

Свободы цвет и счастья цвет!
Нет в мире лучше цвета!
Маринке только восемь лет,
Но ей понятно это.

Как пламя — каждый лепесток!
Он и горяч и ярок.
Маринка вышила цветок —
Сталину в подарок.

И. ВАСИЛЕНКО

Рис. К. КАЩЕЕВА

ИЗЛОЖЕНИЕ

Пионервожатая велела Нине Кондратенко разыскать Антонину Сергеевну и передать ей дневник отряда. Нина, худощавая, смуглая девочка с карими плутоватыми глазами, опустилась этажом ниже, заглянула в один класс, в другой, в третий и, наконец, увидела свою учительницу. Антонина Сергеевна сидела за столом и что-то обсуждала с другими учительницами четвёртых классов. Все были так заняты, что даже не обернулись на скрип двери.

— А теперь, — сказала Антонина Сергеевна, — давайте наметим рассказ для изложения в субботу.

— «Бульку» Льва Толстого, — сказала пожилая учительница из четвёртого класса «В».

— Хорошо, — согласились остальные.

Антонина Сергеевна записала что-то в тетрадь, подняла голову и, заметив свою ученицу, стоявшую у двери, спросила:

— Что тебе, Нина?

Нина передала дневник и пошла домой. И всю дорогу радовалась, что узнала, какое будет изложение. По всем предметам у неё были пятёрки и четвёрки, но русский язык она запустила, и за последнее изложение Антонина Сергеевна поставила ей двойку — так много было в нём грамматических ошибок. Нового изложения Нина всё время ждала со страхом. Теперь же страх пропал.

— Мамочка, — сказала она, придя домой, — как мне достать «Бульку»?

— А кто это — Булька? Котёнок? Козлёнок? Поросёнок?

— Не знаю, — призналась Нина. — Наверно, утёнок. Это Толстого.

— А, рассказ Толстого! Тогда собака. Ну что ж, ты уже в четвёртом классе, должна уметь находить самостоятельно. Возьми в шкафу Толстого и по оглавлениям разыщи.

Нина нашла «Бульку» и тут же, не отходя от шкафа, прочитала.

За обедом она всё время мысленно излагала рассказ и была так рассеянна, что даже кисель начала есть вилкой. А как только кончился обед, пересела к своему столику и стала писать.

До субботы оставалось времени много, но Нина писала каждый день и волновалась: изложение у неё получалось то очень длинное, — а учительница говорила, что надо писать сжато и ясно, — то такое короткое, что и читать нечего.

Наконец изложение написано в последний раз. Нина показала его маме, вместе с ней проверила все сомнительные слова и спрятала листок в задачник. Маме она сказала, что это было домашнее задание.

В субботу, на арифметике, Нина опять немножко поволновалась: а вдруг, думала она, Антонина Сергеевна почему-нибудь переменит?

Но рассказ Антонина Сергеевна не переменила и прочла в классе то самое, что так старательно изложила дома Нина.

План изложения составили всем классом. Нина не вынимала из задачника листок, так как знала приготовленное изложение наизусть. Она аккуратно переписала его в тетрадь и откинулась на спинку парты.

До звонка оставалось ещё минут двадцать. Нина с интересом смотрела, как стараются девочки. Вот светленькая, с двумя свесившимися к парте косичками Нелли подняла к потолку свои серые глаза и думает, неслышно шевеля губами. Вот закусила нижнюю губу Маруся Чернякова и щурится на чернильницу; попишет, попишет и опять на чернильницу прищурится. А вот, склонив набок голову, не спеша, спокойно, размеренно водит пером по бумаге лучшая в классе ученица, золотоволосая курчавая Оля Корнева. И тишина в классе такая, что слышно, как стучит перо о донышко чернильницы.

И вдруг Нина почувствовала странное смущение.

Она ещё раз осмотрела девочек, теперь уже украдкой, и оттого, что у каждой из них было озабоченное лицо, что некоторые от волнения даже раскраснелись, ей стало ещё больше неловко.

Она посмотрела на учительницу и встретила её взгляд. «Уже написала?» — спрашивали ласковые, доверчивые глаза Антонины Сергеевны. — Смотри, не очень ли ты поспешила?»

Нина покраснела и низко, почти до самой тетради, опустила лицо.

И так, не смея поднять глаз, она сидела до конца урока. А когда прозвенел звонок и девочки понесли к столу свои тетради, Нина вдруг всхлипнула и быстро, с кляксами написала под изложением: «Антонина Сергеевна, не верьте! Я знала, что будем писать «Бульку», и всё приготовила заранее».

В воскресенье она ходила с мамой в зоопарк, смотрела на забавных медвежат, смеялась, а сама всё думала, как неловко ей будет завтра, когда в класс войдёт Антонина Сергеевна.

Но Антонину Сергеевну она встретила в понедельник не в классе, а в коридоре. Увидя Нину, учительница подозвала её кивком головы, привлекла к себе и ласково потрепала по щеке.

Степан КОСОВ *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

Важное дело

Войдёшь в третий класс «В» — и не подумаешь, что на дворе зима, что школьный садик занесён снегом, что из сугробов торчат только голые кустики.

В классе, как весной, зелено. На подоконниках и у стены, на особых скамеечках, много растений. Тут розы и фуксии, глоксинии и амариллисы, кактусы и аспарагусы, пальмы и драцены... Одни отцвели, другие только зацветают.

Тётя Паша, уборщица класса, осторожно пробираясь между рядами парт и подоконниками, иногда ворчит:

— Развели тут целые луга! Корову прокормишь. Есть фикус в углу — и ладно.

Ухаживать за цветами девочки выбрали Лену Сливину и Тому Колечкину. Лена — старшая, Тома — её помощница.

Всё шло хорошо.

Но однажды Тома подозвала к себе Лену и показала на одно растеньице.

— Смотри, Лена! Что это?

На тёмнозелёном листе появилось бурое сухое пятнышко.

— Сохнет, — сказала Лена. — Поставила ты его в самый угол, не видит оно ни солнца, ни свежего воздуха. Поставь на подоконник и поливай больше.

Тома так и сделала, но сухое пятно всё увеличивалось.

Через два дня Тома опять позвала Лену. В горшочке лежал отвалившийся лист. Сухие пятна появились и на других листьях.

— Я сама буду ухаживать, — сказала Лена.

На другой день она принесла нож и землю в узелке. После уроков они с Томой вытащили цветок из горшка, старую землю выбросили, насыпали новую, больные листья обрезали.

Но цветок не поправлялся. Лена и покрывала его бумажным колпаком, и выносила во двор, чтобы он подышал свежим воздухом, — вянет.

Девочки пошли к учительнице.

— Валентина Алексеевна, у нас цветок заболел!

— Жаль, жаль!.. Такое интересное растение!

— И нам его очень жалко, — проговорила Тома.

— Валентина Алексеевна, а нельзя ли его вылечить? — спросила Лена.

— Я думаю, что нет. Растение заболело оттого, что у нас в классе нет подходящих условий для его роста. Придётся цветок выбросить.

Девочки совсем запечалились.

Когда Валентина Алексеевна ушла из класса, девочки поставили растение перед собою и в последний раз стали смотреть на него. Даже тётя Паша перестала передвигать парты.

— Тётя Паша, — спросила Лена, — как вы думаете, есть цветочные доктора?

— По нынешнему времени как не быть? Людей лечат. Собак и кошек лечат. Должны быть и цветочные доктора.

— Узнать бы, где они! — воскликнула Лена.

— Постой, — вспомнила тётя Паша,— у меня сестра в одном саду служит. Всякие там растения есть. И говорила она, что ходят к ним профессора, студенты... Болезни изучают.

— Тётя Паша, мы поедем к вашей сестре!

— Ну что ж, ладно. Уберу класс и поедем.

Девочки принялись ей помогать. Потом тётя Паша сходила вниз, в свою комнату, за тёплым вязаным платком. Закутали в него цветок и отправились.

* * *

Недалеко от ворот, над которыми было написано «Ботанический сад», тётя Паша с девочками сошла с автобуса. Ворота были закрыты. Заглянули в калитку, которая была рядом. Там, за калиткой, проходила какая-то девушка.

— Красавица, — окликнула её тётя Паша, — позови мне Марию Петровну Жаворонкову.

Скоро в калитке показалась женщина, очень похожая на тётю Пашу.

— Здравствуй, Маша! А я к тебе. Давно собиралась. Да вот девочек с собою захватила. Проводи ты их, пожалуйста, к вашим учёным людям. Цветок у них что-то заболел.

Мария Петровна отвернула уголок платка, посмотрела.

— Вам надо к Владимиру Сергеевичу. Он у нас по этим делам специалист.

За воротами, вдоль аллеи, тянулось несколько домов. А дальше было большое поле с редкими деревьями и кустами, занесёнными снегом. Среди поля стояли здания со стеклянными стенами и крышами — оранжереи. К ним вела расчищенная дорожка.

Мария Петровна повела девочек к оранжереям. В пристройке к одной из них она постучалась.

— К вам можно, Владимир Сергеевич?

— Всегда! — коротко ответил из-за двери весёлый голос.

Комната, куда вошли девочки, была заставлена растениями с хилыми, жалкими листьями, должно быть больными. На полу стояли ящики с землёй, на полках по стенам—банки с наклейками. За одним из столов сидел человек в синем халате и в золотых очках. Перед ним стоял микроскоп, лежали нож, ножницы и разные блестящие инструменты.

— Владимир Сергеевич, к вам девочки пришли. Они из школы. У них с растением что-то...

Владимир Сергеевич окинул живым взглядом Лену и Тому.

— Что у вас? — показал на платок.

— У нас заболел цветок и никак не поправляется, — сказала Лена.

— Так что ж?

— Осмотрите, пожалуйста.

Владимир Сергеевич рассмеялся.

— Это вы мне вроде пациента принесли. Покажите, покажите!

Девочки живо размотали платок. Владимир Сергеевич начал осматривать растение.

— Так, так... Ароидея антуриум...

Брови у него поползли вверх, и губы он сделал трубочкой.

— Фу-у... Вы уже его лечили!..

— Как же! — сказала Лена. — Мы ему землю меняли, больные листья обрезали.

— Вижу, вижу... Что же теперь с ним будем делать?

— Полечите!

Владимир Сергеевич покачал головой, усмехнулся.

— А что, если мы его выбросим? А я вам другой такой же дам?

— Никак нельзя, — сказала Лена. — Мы из цветочной комиссии, ухаживаем за растениями... Что это, скажут наши девочки, у нас цветы росли, а у цветочной комиссии погибают?

— Ах, так! — сказал Владимир Сергеевич. — Это дело другое. Хорошо. Я берусь его полечить.

Через неделю Лена и Тома снова пришли к Владимиру Сергеевичу.

— Выздоровел, выздоровел! Поздравляю! — закричал он, довольно потирая руки. — Трудный был больной. Но, как известно, наука побеждает всё.

Тома повёртывалась, ища глазами своё растение, а Лена, осмелясь, уже начала обходить столы.

— Не ищите его, — сказал Владимир Сергеевич, — его тут нет. Он ещё в палате. Пойдёмте.

Владимир Сергеевич повёл девочек в оранжерею.

Первое, что поразило девочек в оранжерее, — это тепло и парной, душистый воздух.

На широких лавках-стеллажах стояло много растений. На середине оранжереи возвышались толстые, с мохнатыми стволами пальмы; стройный бамбук уходил вершинами под самую крышу. Тут же были бассейны с тёплой водой. В воде плавали рыбки, а на поверхности распластались огромные, с чуть загнутыми краями листья виктории-регии. От густых крон, развернувшихся под крышей, в самой оранжерее сумрачно.

— Вот что любит ваш антуриум, — сказал Владимир Сергеевич. — Родина его — тропические леса. Растёт там, куда не проникает солнечный луч. Любит тепло, влагу. Сейчас он чувствует себя, как дома. Видите, как он нежится? Рад, рад, разбойник!

Владимир Сергеевич ласково ворошил листья какого-то растения. Девочки вгляделись. Да ведь это их цветок! Не узнать. Листья поднялись, расправились. Появились новые листья.

Тома растянула на руках платок тёти Паши, который опять пришлось захватить, и, как в тулуп, запахнула в него растение.

— Дома, — посоветовал Владимир Сергеевич, — поместите его в затенённое место. Горшок поставьте на поднос и налейте туда воды, чтобы она испарялась.

— Благодарим вас, Владимир Сергеевич! — сказала Лена. — А потом, нам у вас очень нравится.

— Очень нравится, — подтвердила Тома, ещё раз оглядывая оранжерею.

— Надеюсь, что это не последняя встреча. Увидимся, — и Владимир Сергеевич пожал на прощание девочкам руки.

— Обязательно, обязательно...

***

Лена и Тома вбежали в школу и ещё с порога закричали:

— Тётя Паша, давайте скорее поднос. Антуриум дышит влажным воздухом.

Тётя Паша дала поднос и даже подогрела воду. Она была тоже довольна, что её труды не пропали даром.

Девочки потеснили фикусы и кактусы, чтобы антуриуму было свободно, сплели из листьев других растений над ним затенение.

Тётя Паша опять заворчала, делая вид, что всё это ей прискучило.

— Барин какой! Не поставить ли ему духов, одеколону? Может быть, подышит?

Странные есть люди! Когда рады, довольны, начинают ворчать.

Г. НОВОГРУДСКИЙ
Рис. Ю. КОРОВИНА

„БОЛЬШАЯ ЖЕМЧУЖИНА"

КАК НКУЭНГ ЛОВИЛ ЧЕРЕПАХ

Рассказ матроса

Был я на островах Океании. Это очень далеко отсюда, на другом конце света. Там сотни маленьких коралловых островков. Всюду пальмы, бананы... Очень богатая природа. Но люди живут плохо. Всю землю захватили американские и английские богачи, а местные жители голодают. Белые господа заставляют их работать на себя.

Тот океаниец Нкуэнг, о котором я хочу рассказать вам, считался среди своих земляков обеспеченным человеком. Он имел хижину на берегу моря, две кокосовые пальмы, несколько гряд огорода и прилипалу, знаменитую на весь остров. Ни у кого не было лучшей добытчицы.

По вас вижу, что вы ломаете голову над тем, что это за прилипала такая. Прилипала — это рыба величиной с хорошую селёдку. Сама по себе она костиста и малосъедобна. Но есть у неё одно замечательное свойство: её спинной плавник действует, как большая присоска. Рыба пользуется этим. Прилипнет к днищу судна и плавает бесплатным пассажиром по всем морям и океанам. Мало того, что едет «зайцем», так она ещё и кормится даром. Ей перепадает немало вкусных кусочков из тех, что корабельные коки выбрасывают с помоями за борт.

Но рыба прилипает не только к днищу кораблей. Попадётся на её пути акула, она и к ней прилипнет и тоже кормится за её счет.

Вот океанийцы и придумали приспособить прилипалу себе в помощницы. И у Нкуэнга оказалась лучшая добытчица на всем побережье — прилипала-чемпион.

Это была крупная и сильная рыба, раза в полтора больше других. Нкуэнг назвал её «Большая жемчужина», держал её в полузатопленной лодке, кормил червяками и личинками.

Пока я жил на острове, я часто уходил с Нкуэнгом на лов. Это очень интересная вещь — охота с прилипалой. Вставали на рассвете, когда вода спокойная-спокойная. Нкуэнг подходит к садку, где плавает его знаменитая прилипала. В руках у него свитая из кокосовых волокон тонкая крепкая верёвка. Привязать обыкновенную рыбу трудно. Как привяжешь, когда она скользкая и гладкая? А прилипалу можно. У неё присосок, словно горб на спине. Накинул петлю сбруей на горб, закрепил под животом — и готово! Плавать рыбе верёвка не мешает, а уйти не даёт. Так Нкуэнг взнуздывает Большую жемчужину, перекладывает её в ведро со свежей водой, и мы выходим в море.

Вода в тех местах удивительно прозрачная. Смотришь с борта и видишь, что делается на глубине двенадцати-пятнадцати метров. Я глядел в одну сторону, Нкуэнг — в другую. Проплывают всякие диковинные рыбы. Но они нас не интересуют. Мы ждём крупную добычу — морскую черепаху. Черепахи эти — величиной с обеденный стол. Поймать такую — большая удача, потому что и мясо её очень ценится и панцырь. А Большая жемчужина была просто специалисткой по ловле черепах.

Вот, значит, мы и смотрим, не покажется ли где-нибудь на глубине спина вроде большого кованого сундука.

Вдруг — есть!.. Под самой нашей лодкой в погоне за рыбой проплывает громадная черепаха. Нкуэнг бросается к ведру, выплёскивает прилипалу и быстро-быстро травит * веревку.

Большая жемчужина будто понимает, зачем её пустили в море. Она подплывает к черепахе с теневой стороны, ныряет вниз, пропадает из виду. Зато верёвка в руках Нкуэнга туго натягивается. Значит, Большая жемчужина свое дело сделала: взяла черепаху на буксир.

Мы с Нкуэнгом начинаем тянуть. В воде, как вы знаете, тяжесть чувствуется мало. Напрасно громадная черепаха сопротивляется, напрасно старается уйти от накрепко приставшей к ней рыбы. Без особого труда мы подтягиваем добычу поближе к лодке, накидываем на черепашью лапу петлю и берёмся за вёсла. Скоро берег. Там вытаскиваем черепаху на мелкое место, переворачиваем на спину. В таком положении ей никуда не уйти.

После этого Нкуэнг поддевает палец под присосок прилипалы, отрывает от черепахи и снова, до следующего выхода в море, пускает в садок.

* Травить — разматывать.

...Так охотился мой приятель-океаниец. Большая жемчужина могла бы ещё много морских черепах поймать для него, но её загубил плохой человек. Вместе с нею пропал и Нкуэнг. Вот как это было.

Как погиб Нкуэнг и его Большая жемчужина

Я уже говорил, что слава о Большой жемчужине распространилась по всему побережью. Чего только не предлагали другие ловцы Нкуэнгу в обмен за его прилипалу! Один давал свинью и двух поросят, другой — урожай десяти банановых деревьев, третий — двадцать метров светлой китайской ткани. А однажды пришёл к Нкуэнгу человек из соседней деревни и показал ему жемчужину, которую достал со дна моря. Жемчужина была величиной с крупную горошину, ровная, как луна в полнолуние, и имела такой же чудесный лунный оттенок.

— Вот тебе большую жемчужину за твою Большую жемчужину, — сказал человек.

— Если ты принесёшь мне целую пригоршню таких, я и то не отдам тебе свою, — ответил Нкуэнг.

И он был прав. Большая жемчужина его кормила. А для бедного океанийца это самое главное.

Но вот как-то раз к его хижине подошёл белый. Нкуэнг знал, что это богатый американец, который от нечего делать приехал на остров поудить рыбу.

— Эй, черномазый! — сказал американец Нкуэнгу. — Говорят, у тебя есть прилипала, которой можно самого чорта вытащить из пекла. Покажи-ка!

Нкуэнг покорно встал и повёл белого к полузатопленной лодке, где плескалась Большая жемчужина.

Американец равнодушно посмотрел на рыбу, сплюнул и сказал:

— Будет интересно рассказать в Бостоне, как я ловил черепах. — Потом обернулся к Нкуэнгу: — Сколько ты хочешь за эту дрянь, что плавает в корыте?

— Я не продаю её, господин.

Поражённый ответом океанийца, белый шагнул вперёд и сжал кулаки.

— Что?! Ты смеешь, черномазая собака, говорить мне «нет»?! Я спрашиваю: сколько тебе заплатить за твою вонючую рыбёшку?

— Она мне дороже всего. Я не продам её, господин.

— Ах, так?! — Американец подошёл к утлой лодчонке и одним рывком перевернул днищем вверх. Вода из лодки широко хлынула на берег. На песке затрепетала Большая жемчужина.

Вытянув руки, с остановившимися от ужаса глазами, Нкуэнг подбежал к рыбе, но американец его опередил. Тяжёлым сапогом он наступил на Большую жемчужину. Всё было кончено. Добытчица, о которой шла слава по всему побережью, превратилась в бесформенное месиво.

Рыбак не мог поверить в своё несчастье. Он наклонился над прилипалой и отвёл ногу американца. Тот поскользнулся, потерял равновесие, тяжело плюхнулся на песок.

...Что было дальше, Нкуэнг не помнил. Удары кулаков и сапожищ белого господина посыпались на него градом. Он упал, потерял сознание.

Ночью за Нкуэнгом пришли полицейские. Его отвели в тюрьму, потом судили «за оскорбление и попытку убить белого человека».

Когда океаниец сказал, что он всего только дотронулся до ноги американца, судья-англичанин заметил:

— Этого достаточно. Ты очень большой преступник: ты осмелился поднять руку на белого!

Нкуэнга сослали на каторгу. Больше на остров он не возвращался.

Так погиб Нкуэнг, так погибла лучшая рыба-добытчица Большая жемчужина.

На обложке рисунок А. Ермолаева: Город Гори — родина И. В. Сталина.

Художественный редактор Н. Попов *Рукописи не возвращаются* *Технич. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 А09113 Подписано к печати 10/XI 1951 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 2176

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

Рис. В. ВЫСОЦКОГО.

За мир!

